

— Гарольд...?

Искренний голос Эрины разносится в атмосфере, где царит только неподвижная и тяжелая тишина.

Перед ним разворачивалось зрелище человека, которого он так любил, упавшего с ножом, вонзенным в сердце.

— Глупости...

Милу тоже закрывает рот и открывает глаза.

Они вдвоем, успевшие осознать реальность происходящего, смотрят на него, рухнувшего без движения, неверящими глазами.

— Гарольд!!!

Вскоре крик Эрины разлетается в разные стороны.

— Нет... нет-нет-нет!!! абсолютно нет!!!

Она обнимает его и заливает все свое горе слезами, и начинает бесконечно кричать, надеясь, что то, что он видит, не является правдой.

— Нет, я ненавижу такие вещи!!! Пожалуйста, открой глаза...!!! — шепчит она ему с отчаянным желанием, которое уже никогда не исполнится, но он по-прежнему не открывает глаза.

— Хахаха... Это твой парень? Вы хорошо смотрите...!

Тем временем голос, доносящий из-за их спин последние насмешки, насильно вызывает у нее гадкую улыбку и издевается над ней, крича.

Эрина, опознавшая такого еретика, не унывает, но внезапно атмосфера становится спокойной, и она выражает свою ненависть, которую невозможно выразить словами.

— ?!

Даже фанатик, который, как известно, не торопится жить в Эрине, заставил его со всех сил ползать по полу от страха...

— Монстр... монстр!!!

Отчаянно пытаюсь сопротивляться медленно приближающейся смерти, с жалким лицом, на котором доминирует страх, она борется с силой грудного вскармливания, чтобы отделиться от Эрины.

Пытается как-то отступить, но в конце концов его настигает Эрина, которая спокойно подходит, не говоря ни слова...

— Ну же... Подожди!!!

Слова еретика были однажды прерваны ее ударом, и вскоре его тело разлетелось на куски с отвратительными звуками.

— Этого... этого не может быть...

А Милу, наблюдавшая за этой сценой, начала что-то бормотать про себя, не в силах смириться с реальностью.

— Конечно, мы собирались остановиться... Я обещала отцу помочь...

Она хватается за голову обеими руками, продолжая монолог о том, что никто и никогда не услышит о том, что она обещала в прошлом.

— Но эта сцена... это то, о чем говорила Мориона...

— ?!

Затем, вместо того, чтобы говорить, она вдруг выплюнула какую-то чушь и забилась в агонии, а потом искаженный голос в отчаянии пролепетал.

— Неужели ты умер из-за меня...?

— Побочный продукт времени.

Это был уютный и спокойный храм, раскинувшийся как рай на земле, но из этой атмосферы доносился глубокий голос, похожий на крик.

— Затягивай...

Тяжела и опасна такая жизнь, но что страшного, если ей угрожает милый щенок?

Прокрастинация изо всех сил старалась послать критикующей ее богине прохладную энергию, но она была настолько наивна, что чувствовала себя тошнотворным ребенком.

— Как бы ты ни старалась, я тебя не боюсь. Ты не можешь убить бога с той силой, которая у тебя есть сейчас, вдруг это старый дракон, который в будущем станет твоей настоящей матерью.

Он осторожно спускается на одну ступеньку со спокойной, но безжалостной улыбкой и насмешливым оскалом.

Я пытаюсь наточить зубы, чтобы понять, не поднялся ли гнев от такого высокомерного отношения, но...

— Вы, кажется, думаете, что это власть, потому что услуга продолжается, знаете ли вы, благодаря кому вы здесь?

Пытаясь раскрыть секрет, который должен быть тщательно скрыт, она показывает неохотный взгляд.

— Вот это хорошее отношение.

Как бы он ни был щедр, даже в ситуации, когда он теряет деньги, если другой человек вежлив, ему кажется, что он тоже будет вежлив.

— Не забывайте, что я оказываю вам услугу по просьбе бога времени. Всегда помните, что простое нахождение в этом часовом поясе - как бельмо на глазу.

Я вежливо сложил руки вместе и испустил легкий вздох беспокойства.

— Я не знаю, как ты пленил сердце Темпуса, но ты пришел в то время, когда тебя не должно быть. Это я.

Снова и снова

Чистый звук высокого колеса постепенно приближается к Милу, и вскоре богиня стоит перед ней и пристально смотрит на Милу.

— И все же... Я думаю, что план развивается с моей точки зрения, потому что с тобой произошла довольно серьезная авария, так что теперь это симбиотические отношения?

При последних словах богини мне показалось, что внутри храма воцарилась спокойная и тревожная тишина, но тут она нарушила молчание и с задержкой открыла рот.

— Мориона... Скажи мне, где сейчас находится папа и что мне нужно делать.

Милу обращалась к Морионе, богине судьбы.

Это была необыкновенная богиня, которая могла заглянуть в судьбу каждого человека и смутно предсказать прошлое, текущее настоящее и даже будущее.

— Я хочу помочь папе.

Но когда такая богиня слышит слова Милу, она сетует и начинает качать головой.

Для богини судьбы произнести негативные слова - это как бы намек на то, что действия человека действительно неправильные.

Поэтому, когда сейчас Морионе со вздохом обращается к Милу, это означает, что то, о чем говорит Милу, - это огромное рукопожатие.

— Эй, сколько раз мне нужно это сказать, чтобы ты поняла? Сколько бы ты ни хотела помочь Гарольду, чем больше он будет противостоять тебе, тем больше это негативно скажется на его судьбе?!

Теперь, словно заскучав, она сердитым голосом ругает Милу.

Но Милу, странно спокойный, на мгновение задумался, но произнес те же слова, что и раньше.

— Я могу! Я могу помочь папе!!!

Милу, чья личность внезапно выскочила наружу, кричит, как бы возражая словам Морионе, но Мориона, услышав эти слова, прижимает переносицу большим и указательным пальцами и закрывает глаза.

— Так... это помогает ему не шевелиться, она говорит, что уже на полпути... Сколько ни предотвращай трагедию, чем больше времени я провожу с тобой, тем больше он продвигается вперед и извращает то, что ему грозит трагедией. Это будет судьба, которой не существует.

И вот теперь, с вздорной интонацией, Милу выпаливает.

— Действительно, почему ты так нервничаешь, что не смогла увидеть папу? Ты говоришь, что хочешь быть полезной, но на самом деле ты ведешь Гарольда по пути гибели.

Задним числом, несмотря на враждебные связки, она кладет руку ему на плечо, словно пытаясь встать на его сторону.

— Имей в виду, чем больше ты это делаешь, чем несчастнее Гарольд, тем больше я выигрываю.

— Я сказала? Что Гарольд по какой-то причине падет в будущем, будет брошен богиней и отнят у меня.

Понимаешь ли ты теперь Мориона сама пытается убедить Милу в том, что она находится в замешательстве относительно того, что сказать противнику.

Однако, чем больше я пытаюсь разобраться в этой ситуации, тем больше чувствую, что вопрос, который естественно возникает, Морионе не подходит.

Что ж, как сказала Мориона своими собственными устами, с ее точки зрения, она - враг промедления, и такой враг - не кто иной, как ее собственные уста.

Возможно, это заметила и Милу, которая, как только ненавистные слова Морионы были закончены, возразила ей.

— Тогда не лучше ли вместо этого призвать меня?! Чем больше я буду встречаться с отцом, тем больше я буду приводить к той судьбе, которую ты хочешь... Почему ты так злишься!

Затем, как будто разочарование достигло своего пика, она взмахнула волосами, демонстрируя еще более расстроенный вид.

— Да, как я уже сказала, чем больше ты ему мешаешь, тем быстрее Гарольд падет... Но...

Мориона, уловив незнакомую неподвижность, шепчет Милу на ухо.

— Если я хочу, чтобы он был моим слугой, он должен столкнуться с трагедией в нужное время, чтобы я могла спасти его.

Она мрачно открывает глаза и говорит, словно угрожая Милу.

— Но если из-за тебя гибель Гарольда ускорится слишком быстро, все пойдет наперекосяк, и

моя неспособность упасть в нужное время разрушит мои планы и, главное, приведет его к бессмысленному концу.

Милу немного опешила от этих слов, а затем спросила у Морионы.

— О чем ты говоришь?

Мориона, почему-то рассерженная, кладет руку на левую грудь, сжимает ее достаточно крепко, чтобы оставить след, и делает шокирующее заявление.

— Это значит, что Гарольд может просто умереть...

Услышав эти слова, у Милу перехватывает дыхание, и, хотя на мгновение, отчаяние преобладает в ее эмоциях.

— Папа никогда не умрет, и я уверен, что помогу тебе предотвратить твое падение и сделать так, чтобы реальность быть твоим слугой тоже не случилась.

Разговоры Милу и Морионы всегда идут параллельными линиями.

Они борются друг с другом и совершенно не принимают во внимание точку зрения другого, поэтому тема разговора то и дело возвращается к исходной точке.

— Ха... Действительно...

В итоге каждая история заканчивается тем, что первый уставший человек неохотно следует мнению другого.

— Ладно, я был идиотом, пытаюсь убедить тебя... Я выясню, что сегодня произойдет с Гарольдом, а для тебя это будет самое худшее из возможного.

На этот раз Мориона сдалась первой, и ему ничего не оставалось, как удовлетворить просьбу Миры.

Мориона готовится предвидеть свою судьбу, но прежде чем увидеть правду, она бросает взгляд на Милу и предупреждает.

— Теперь даже я устала тебе говорить... Чем больше ты будешь это делать, тем раньше наступит гибель Гарольда, и чем больше я планирую сделать его своим слугой, тем лучше.

Она говорила с весьма достойным лицом, но после этого, как будто она никогда не сможет

столько терпеть, она подняла свою жизнь и пригрозила Милу.

— Но... если Гарольд преждевременно падет из-за тебя и потерпит бессмысленное поражение...

В этот момент Милу впервые за время жизни с Морионой почувствовала холодок страха.

— Я не оставлю тебя одну.

Однако и этот страх на время исчезает, и она с улыбкой решимости заявляет Морионе.

— Я никогда не позволю тебе умереть из-за меня, уверяю тебя.

Я куда-то тонул.

Вниз, в бездну, которой неизвестен конец.

Даже если я протяну руку, ничто не коснется пустоты и странного холода внутри...

Даже если он помнит, каким было его последнее воспоминание, он просто отдается течению.

— Я уверен... Я защищал Милу, а потом языческий клинок пронзил мое сердце.

Я выплевываю свою смерть изо рта так непринужденно, что даже не знаю, чувствую ли я ее.

— Тогда, значит, это что-то вроде загробной жизни... или это перемещение в такое-то место...

Очевидно, что это должно было быть не так, но, отнюдь не удивляясь, он очень легко принимал реальность.

Думая, что я мертв, и видя, что произошло после смерти, я так легко все понимаю, что сам в себе сомневаюсь.

— Не знаю... Все равно я умер...

Может быть, потому, что быстро смирился с реальностью и сдался.

Сейчас я чувствую сонливость и немотивированное желание отпустить все, и как будто позволяю всему течь так, как ему пора быть.

Я просто взял и сказал, что люди совершенно по-разному мыслят перед смертью и после смерти... Так ли это?

Если бы это было на грани смерти, я бы отчаянно боролся за жизнь, но, думая о том, что ситуация уже необратима, на сердце становится легче.

— Что это за ситуация с Эриной и промедлением...

Вопросы, которые естественным образом возникают с ощущением того, что становится холоднее.

Горевали ли те, кто был свидетелем моей смерти?

Как воспримет эту новость Элеонора...

У меня нет никаких связей, но будут ли оплакивать мою смерть те, кто меня еще знает?

А если подумать, что же произошло с моей первоначальной реальностью... Теперь я не могу вернуться назад навсегда...

С этими мыслями я смотрю на небо, дойдя в царстве небытия до такой степени, что уже не могу испытывать никаких ощущений.

И...

— Да?

Луч света, который я слабо вижу в дальнем конце моего поля зрения.

— Что это...

С такой простой мыслью я просто тупо смотрю на растущий свет.

— Э-э...?

Вскоре яркий свет, который стал настолько большим, что заполнил собой все небо, спустился ко мне и подарил мне теплое чувство...

Вот это да!!!

Я на мгновение плотно закрываю глаза от вспышки, унесшей мое зрение.

— Уф...

Когда я снова открываю глаза, передо мной предстает довольно знакомая картина.

Это была реальность, с которой я столкнулся, прежде чем потерял рассудок.

— Да...?

Мозг усложняется рациональными мыслями, которые в этот момент возвращаются с неожиданным стоном.

Даже сейчас я не знаю, как это произошло, но я отчетливо представлял, в какой ситуации оказался.

— Я еще жив?

Как бы там ни было, пока что я жив.

Несмотря на то, что он был ранен, он совсем не чувствовал опасности, как будто его пырнули игрушечным ножом, и голова его была странно спокойнее, чем раньше.

Прежде всего, я осторожно поднимаю голову, испытывая облегчение от того, что я не умер...

— Брат...?

— Гарольд...?!

Реальность, которую я осознал, как только мои глаза с трудом вернулись к фокусировке, была видна двум девушкам, смотрящим на меня с печальными лицами, на которых остались слезы.

Обе они открыли глаза, как будто стали свидетелями чего-то нереального, и их лица, которые, казалось, не имели желания жить, постепенно ожили.

— Уф... Эрина? Милу?

В противоположность их атмосфере, я спокойно называю их имена.

Эти двое, в отличие от меня, еще не до конца осознали реальность и некоторое время просто тупо смотрели на меня...

— Брат!!!

— Гарольд!!!

Как только они столкнулись с реальностью, они поняли, что я жив, и одновременно с пугающей скоростью бросились ко мне.

— А-а-а?!

Я не выдержал силы их полета, и мне пришлось снова опустить свое тело на пол.

— Гарольд!!! Ты действительно Гарольд?! Не напрасно ли я на что-то смотрю?!

— Оппа, ты правда в порядке?! Что, черт возьми, произошло!

Две девушки, которые бросились ко мне в объятия с горестными слезами, начали обнимать меня, как дети.

— Э-э... Я думаю, что я в порядке... Может быть...

Чтобы успокоить их, придумываю отговорки, которые приходят в голову.

— Ты действительно в порядке? Я, наверное, вонзила нож глубоко в сердце!!!

— Когда моего брата ударили ножом в грудь и он потерял сознание, мне действительно показалось, что мой мир рушится...!!!

Услышав эти слова, я осторожно прикасаюсь к той части груди, которая была проткнута.

Кстати....

Да...?

Судя по тому, что я смог осознать только сейчас, мое тело, как ни странно, осталось целым.

Очевидно, как сказали Эрина и Милу, кинжал должен был пронзить мое сердце, но я совершенно не чувствую боли, и сейчас нахожусь в прекрасном состоянии сознания.

Хотя на теле не было никаких ран, одежда была разорвана, но с телом все было в порядке настолько, что кожа осталась целой.

Кинжал, пронзивший мое сердце, вдруг бесследно исчез, и я не мог его найти, сколько ни осматривался.

— Вообще-то, я тоже чувствую себя немного странно... Сначала я искренне думал, что умру, но теперь я не могу понять, что привело к этому...

Даже если они задают вопрос, даже я не понимаю, как это по-английски, и мне тоже хочется сразу же обратиться к кому-нибудь за ответом, если у кого-то возникнет вопрос.

— И все же... Видя вас в таком состоянии, кажется, что все идет хорошо...

Когда она успокоила их тоном небольшого облегчения, грустные чувства немного улеглись, но, похоже, этого все равно было недостаточно, чтобы успокоить их сердца.

— Я рада! Правда...!

— Брат, ты действительно в порядке...?

Я киваю головой, соглашаясь с глупостью девушек, которые все еще держат меня в объятиях и вытирают слезы.

Эрина и Милу, которым удалось немного прийти в себя, потом обняли меня покрепче, подробно рассказывая, что они чувствовали, когда я упал в обморок.

— На какое-то мгновение я поняла, что будет только с Гарольдом, и мне стало тревожно и беспокойно от того, что я вдруг подумала, что он ушел навсегда, так что это было короткое, но невыносимое страдание.

— Мне тоже больно... Умирает ли мой брат или я больше не увижу его... Я боялся снова потерять его, поэтому страх перед вечностью, казалось, разъедал меня...

Она обняла меня с еще большей силой и рассказал о своих чувствах.

Но... неужели я опять сказал "промедление"? Может быть, я услышал что-то не то, потому что был слишком сумасшедшим?

Может быть, это моя ошибка...?

Как бы то ни было, они вернулись, и это было так печально, что их голоса в основном удвоились, но со временем они вновь обрели разум, и их выражения начали становиться лучше.

— Пожалуйста... не делай этого в будущем, ты же знаешь, я не могу жить без тебя...

Впечатление осталось, но теперь оно шепчет мне с чувством облегчения.

— Мне так жаль... Я действительно хотела помочь...

Милу все еще мучило чувство вины за то, что я пострадал по ее вине.

— Ну... В результате со мной все в порядке, так что не волнуйся так сильно.

Он утешал Милу, которая испытывала особую боль, но не подавала признаков улучшения.

— Но мне очень нравятся слова Морионы...

Гарольд вдруг пробормотала про себя что-то, чего никто не мог услышать, и ей стало еще больнее.

— А? Что?

Она снова спрашивает о словах Милу, которые не смогла узнать, но качает головой и снова пытается мучиться чувством вины.

В конце концов, я поднял свое тяжелое тело, которое освободилось только после того, как его укачивали и заставляли до тех пор, пока не прошло довольно много времени.

Но вопросы, которые до сих пор продолжают переворачивать мою голову, вызывают неприятное послевкусие.

Действительно, как мне удалось пройти через точку смерти?

В последний раз, когда я смотрел способности Эрины, она обладала целительскими

способностями, но интересно, оживляла ли Эрина вообще?

Но, похоже, он был слишком печален, чтобы говорить об этом...

Какое-то время казалось, что эта проблема, вероятно, мешает мне сосредоточиться на работе.

Вернитесь немного назад во времени и посетите храм Элеоноры.

— Действительно... о чем ты думал, приводя ко мне девушку!

Она все еще жаловалась на вчерашнее.

— Если ты придешь сюда в этот раз, тебе придется снова запечатлеть ее на своем теле?!

Если бы Гарольд услышал это, он бы не сказал ничего такого, от чего ему стало бы жутко.

— Я тебя не отпущу!

Во многих отношениях Элеонора, казалось, не хотела отпускать Гарольда, когда он снова появился.

— Хех! Гарольд, который даже не знал, о какой милости он заботится, и хотел пофлиртовать с другой женщиной, тоже был плох!

Раздражающая семья, которая длится вечно, книга открыта для чтения, но страница осталась прежней.

— Уф... чем больше я об этом думаю, тем больше мне становится жарко.

В тот момент, когда я снова пытаюсь выплюнуть смешанные с гневом слова...

— Каааа?!

Элеонора внезапно задыхается.

— Колок! Колок!

Она издает болезненный кашляющий звук и ее рвет кровью.

На мгновение потеряв ориентацию, она зашаталась, но затем выпрямилась и погладила себя по груди.

— Мое сердце остановилось... Но недостаточно силы, чтобы убить бога, неужели это просто биологическая смерть...?

После произнесения этих слов про себя, ненависть к прошлому исчезла, и он смотрит на сухое небо с лицом, полным тревоги.

— Гарольд... что, черт возьми, ты делаешь...

Она постукивает по груди, где находится сердце, и снова начинает вести себя непринужденно.

Со слезами на глазах, переживая за семечко, которое стоит больше, чем его собственная жизнь, он выплевывает монолог, полный сожаления.

— Зачем ты сказал то, что тебе горько...? Зачем совершил такой безрассудный поступок...

Она тихо выдохнула и смахнула слезы.

— Если бы я тайно не применил магию, я бы не смог увидеть тебя снова...

Она крепко сжимает свою грудь и извиняется за то, что не смогла до него дотянуться.

— Прости меня... Это правда, что я был недоволен тобой, но это не значит, что я тебя ненавижу...

Затем он складывает руки вместе и истово молится небу, хотя он и бог.

— Не заставляй меня просить прощения за все... Так что, пожалуйста... Возвращайся благополучно...